

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «АКТИВНОСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Категория «активность» – философская категория, которая сложно поддается определению, поскольку призвана выявить предельно общие источники изменения и развития в мирах материальном и нематериальном, биологическом и социальном и обозначить причины этого изменения. «Активность» отражает и структуру взаимодействия в мире в целом: активность противоположна пассивности, следовательно, в исследовании проблем активности речь, прежде всего, идет о субъект-объектной форме взаимодействия.

Под *активностью* в самом общем смысле понимают деятельное состояние живых организмов, являющееся условием их существования в мире. Речь идет о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные и неотъемлемые.

Подходы к определению и методологические особенности изучения «активности»

«Активность» как категория неоднозначная, привлекает к себе внимание исследователей различных школ и направлений, существует масса подходов к определению сущности этого феномена и его методологическому объяснению. Так марксистский подход при определении понятия обычно указывает на следующий родовый признак: активность – это способность субъекта к самодвижению, самостоятельности, самоопределению, самополаганию. Помимо этого выделяют следующие характеристики активности:

1. Отражение асимметричности отношений между субъектом и объектом (средой). Активность является источником изменений, как происходящих с субъектом, так и вызываемых им в объекте; [2]
2. Действенность, т.е. устойчивость по отношению к реализуемой цели, в отличие от пассивности как тенденции непротivления обстоятельствам, с которыми надлежит встретиться в будущем; [1]
3. Спонтанность, т.е. обусловленность производимых актов спецификой внутренних состояний субъекта;
4. Надситуативность - выход за границы заданного внешними условиями пространства действия.
5. Произвольность, т.е. обусловленность актуальной целью субъекта.

Таюже важным представляется исследование различных форм активности, возникающим в политической сфере. Так, например, Ф.Рудич стратифицировал политическую реальность на действие, поведение, творчество, общение, сотрудничество, управление и руководство. [3] Очевидно, что эта стратификация не исчерпывает всего многообразия форм политической активности, например, упускает такую форму как получение политического знания. При этом эти формы активности не являются взаимоисключающими, а скорее отражают смысловое многообразие подходов к пониманию политики. Таким образом, категория политическая активность представляет собой понятие с открытым объемом.

Итак, *первая группа подходов* к определению связана с пониманием *политической активности как деятельности индивидов в политическом и социальном пространстве*. Основы этого подхода были заложены марксистской теорией, а впоследствии получили развитие в «теориях действия» М. Вебера, Т. Парсонса,

Ю.Хабермаса и др. Непреходящий интерес к политическому действию как одному из центральных понятий западной политической теории связан с классической традицией понимания политического действия как достижения блага, идущей от Аристотеля.

Главное противоречие, возникающее при анализе природы политической активности (деятельности), заключается в том, что субъекты политической активности существуют в обществе и испытывают влияние институтов и общественных структур. Как детерминируется их деятельность? Что лежит в ее основе – внутренние побуждения или давление социальной структуры? Эта дилемма решалась по-разному, и в зависимости от выбора той или иной позиции воплощалась в бихевиоризме, в системном подходе, в институционализме и в других теориях. Очевидно, что более приемлемым к пониманию природы активности является подход, объединяющий обе позиции.

Активность как категория отражает процессы перехода из состояния потенциального в актуальное, и может быть определена как *деятельность, которая приводит к закреплению благоприятных условий существования субъекта в конкретный момент времени*. Эти благоприятные условия формулируются исходя из внутренних потребностей и мотиваций. Таким образом, не всякая деятельность обладает свойством активности, а лишь та, которая связана с попытками целедостижения и целеполагания. Так К. Маркс выделял в качестве родового признака человечества такую характеристику как труд, то есть целесообразную деятельность человека направленную на изменение предметов природы для удовлетворения внутренних потребностей.

Марксистская теория, таким образом, определила понятие активность как практическую деятельность, связанную с преобразованием материального мира, при этом активно критикуя иные, нематериальные подходы к пониманию активности (например, идея Гегеля о саморазвитии абсолютного духа), представляя их как ложные, спекулятивные, оторванные от реальности.

В 60-70 е гг. в СССР категория «активность» стала активно применяться для анализа политических процессов, для объяснения и обоснования тезиса о равном и свободном участии граждан в политической жизни страны. Возник определенный социальный заказ, обусловленный характером политического режима, который искусственно стимулировал, мобилизовывал человека на участие в тех или иных формах общественно-политической деятельности, которые были строго определены и контролируемы. Естественно, что зависимость от идейно-политической линии ограничивала исследователей, а в 80-е годы и вовсе привела к затуханию интереса к данной теме. Вместе с тем, в советской политической науке даже возник целый ряд исследовательских направлений, школ, которые занимались разработкой этой темы. Распространены были такие понятия как социальная активность, общественно-политическая активность, политическая активность, социально-политическая активность, человеческая активность, которые, однако, имели сходную смысловую нагрузку. В ряду этих понятия «активность» – понятие родовое, это деятельность в самом широком смысле. Социальная активность и пр. – специфические виды деятельности человека. Активность в целом понималась в 3 значениях:

- 1) как самодвижение (внутренняя детерминация);
- 2) активность как состояние напряжения;
- 3) активность как способность к изменению.

Иное определение политической деятельности дали И.Е. Зусв, А.Е. Фурман,

А.Бовин, П.В. Пичугин: «осуществление субъектом социально-политических функций, пронизанных борьбой за завоевание, укрепление, организацию, устройство и использование политической власти, деятельностью по участию в управлении государственными и общественными делами». [4]

Противоречия, споры, дискуссии относительно предмета обсуждения, безусловно, возникали, но они не выходили за рамки марксистско-ленинской парадигмы. В целом акцент делался на изучение т.н. «положительных» форм активности, при этом слабо изучались различные деструктивные формы.

Наряду с доминирующим в СССР марксистским подходом существуют и иные подходы к пониманию природы политического (социального) действия. В частности, М. Вебер определяет социальное действие как действие, которое ориентировано на поведение и ожидания другого человека; оно не идентично ни «единообразному поведению», ни поведению, на которое влияет поведение других (поведение человека в толпе). Главный критерий социального действия – рациональность. В соответствии с этим он выделил несколько идеальных типов социального действия:

- традиционное;
- аффективное;
- ценностно-рациональное;
- целерациональное, в основе которого лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей».

В дальнейшем этот критерий – «рациональность действий индивидов» получил дальнейшее применение в теории рационального выбора, теории коллективного действия Манкура Олсона и теории «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса.

Основным понятием теории действия Т. Парсонса было понятие типовых переменных действия, то есть таких переменных, которые позволяют определить идеальные типы социального действия. Само действие понималось как некоторый процесс в системе «субъект-действие-мотивация», имеющий мотивационное значение для действующего индивида. Парсонс выделил пять типовых переменных (типовых пар): аффективность и ее противоположность аффективная нейтральность; индивидуальная ориентация (то есть ориентация на индивидуальные личные цели) и коллективизм (ориентация на интересы коллектива); универсализм (то есть одинаковое, универсальное отношение ко всем людям) и партикуляризм (то есть особое «пристрастное» отношение к кому-либо на основе личных симпатий или антипатий); достиженчество и его противоположность аскрептивность; диффузность и контрастность.

Другим подходом, доминировавшим длительное время в западной политической науке является *понимание политической активности через политическое поведение – «поведение человека в политическом контексте»* (Д. Каванах). В центре такого подхода лежит убежденность в том, что движущей силой в политике является индивид, поведение которого обуславливает определенную конфигурацию сил в системе. Особый акцент делался на изучении электоральной активности, на изучении внутренних мотивов, мнений, ценностей, установок, норм. Критики такого подхода, как впрочем, и марксистского, сосредоточивают внимание на ограниченности исходного тезиса о самодетерминизме политического поведения индивида, который не может существовать вне контекста общественных отношений, а значит, испытывает на себе влияние других элементов общественной структуры помимо внутренних факторов.

Идеология и активность: соотношение категорий

Одним из критериев категориальности является способность категории работать по отношению к специальным видам знания – выполнять методологическую функцию. Категория «активность» – специфическая категория, которая, как мы уже отметили, в отечественной литературе разрабатывалась в сложных условиях господства марксистско-ленинской парадигмы развития. Однако существуют разнообразные подходы к определению этих феноменов и их актуализации. В этой связи представляется актуальным проследить взаимосвязь между категориями *активность* и *идеология*.

Активность, как свойство личности или социальных групп, обеспечивающее реализацию и функционирование идей, ограничивается политически. Помимо институциональных способов подавления, активности препятствуют неинституциональные образования политической системы, являющиеся частью нормативно-символической сферы.

Символическое пространство выступает основой идентификации человека в политике и его реакции на возможные конфликты с властью. Рассматривая категорию «активность» в нормативно символической сфере, следует обратить особое внимание на понятие «идеологии». Идеология является важным инструментом социальной и политической организации: выступая катализатором политической активности определенных групп, идеология может направлять их действия в соответствии с намеченной целью. В идеях человек видит отображение силы и ресурсов государственной власти и потенциальной угрозы применения к нему насилия в определенных случаях. Таким образом, в общественном сознании создается иерархия социальных целей и значений в политике, что способствует уточнению позиций конкретного индивида по отношению к власти. По мнению А.В. Соловьёва: «Сочетание свободы в выборе своей внутренней позиции с пониманием приоритетной (пусть гипотетической) силы власти и создает ту специфическую коммуникацию человека с политическими институтами, при которой регуляция как практической, так и интеллектуальной его активности осуществляется за счет потенциального (т.е. опять-таки символического!) применения насилия». [5]

Результатом идеологической борьбы конкурирующих групп является конечное понимание и идентификация индивидом самого себя с существующими идеологическими тенденциями. Именно включение в политику широких социальных слоев и вызвало к жизни механизмы конкуренции, выбора духовных конструкций, отображавших различные оттенки групповых интересов. Приобретение статусов и ресурсов группами населения непосредственно зависело от приобщения последних к каким-либо идеологическим формам.

Таким образом, идеология становится важным механизмом консолидации различных групп общества. Однако, став источником политической идентификации, идеологии превратились и в наиболее эффективное средство утилизации всего социально-конструирующего потенциала политики в целом. [5]

В зависимости от активности индивидов в политической сфере и всей политической системы позиции идеологии могут усиливаться (идеологизация), ослабевать (деидеологизация) и вновь восстанавливаться (реидеологизация).

Наличие, продолжительность и смена фаз высокого и низкого влияния идеологий, в конечном счете, обуславливаются уровнем массовой политической активности, требующей от людей определенного понимания целей власти и связанного со степенью удовлетворения их базовых интересов. Таким образом, активность и

идеология, соприкасаясь в символической сфере политики, могут принимать как позитивные, так и негативные формы, причём их влияние друг на друга взаимопроникаемо и взаимообусловлено.

Подводя итог, следует отметить возрождающийся интерес в российской политической теории и практике к тематике политической активности, к изучению новых, нетрадиционных форм активности (например, форм активности в пространстве Интернет), изучению механизмов измерения этих форм. Связано ли это с процессами развития гражданского общества или же это преимущественно последствия властного заказа, а может быть есть иные объяснения – вопрос остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Общая психология. Словарь/Под. ред. А.В. Петровского// Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 251 с
2. Психология развития. Словарь/Под. ред. А.Л. Венгера// Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.
3. Рудич Ф. Политика как объект системного исследования. — Философская и социологическая мысль, 1990, № 1. — С. 25
4. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. №2
5. Цит. по К.И. Морозов. Политическая деятельность как социальное явление и ее функции//Социальная активность, Челябинский пединститут, 1981, 172 с.

Белоусов А.И., г. Екатеринбург

ОБ ИММАНЕНТНОЙ СВЯЗИ СЕКСУАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Сексуальное и политическое слишком схожи в своих устремлениях и настолько непохожи по своим проявлениям. Их соотносение есть результат когнитивной деформации в условиях усложнения интеллектуальной деятельности в постклассическом периоде философии. Хотя, нет сомнений, к данной теме обратились ещё в период глубокой архаики, причём как на Востоке, так и на Западе. Более того, на языковом и символическом уровнях эти две сферы нашей жизни имеют потрясающее единство: вся политическая лексика насковзь проникнута дискурсами сексуальности, если, конечно, придерживаться фрейдистского подхода.

Сексуальное возникает как проявление нерационального, нерелексируемого, оно есть воображаемое и одновременно самое желаемое. Сексуальность – это свойство субъекта приобретаемое, причём в воображении. Можно даже утверждать, что там, где возникает сексуальное, исчезает различие между объектом и субъектом. Сексуальное – это временная характеристика, проявляющаяся в импульсах активности, которые могут результативовать соитием страждущих либо же сублимацией в социальное пространство неудовлетворённых.

Не акцентируя внимание в настоящее время на различиях в политике большой и малой, будем говорить о *политическом* вообще. Политическое возникает как результат рационального понимания необходимости мыслить стратегически, не просто созрцать возможное будущее, но создавать его собственными руками здесь и сейчас.

Сексуальное и политическое сходны в своих помыслах о возможном будущем: в одном случае, оно сладостно и есть высшая точка блаженства от обладания желаемым, а в другом случае, оно превращается в благо, которому придаётся атрибут всеобщности. Причём в обоих случаях главным механизмом выступает *воображе-*